

Глава 4

НЕОЭВОЛЮЦИОНИЗМ

Неоэволюционизм – одно из наиболее влиятельных направлений в зарубежной социальной (культурной) антропологии середины XX в. Он развивался параллельно и во многом независимо от других важных школ исторической науки того времени. Неоэволюционизм оказал огромное влияние на зарубежную антропологию (этнологию) и археологию. Для собственно исторической науки его значимость в первую очередь заключается в том, что он привлек внимание к ранним этапам исторического процесса.

Предшественником неоэволюционизма был классический эволюционизм, который появился в первой половине XIX в. Он появился в первой половине XIX в. Наиболее видными представителями данного направления были Э. Тайлор, Л. Г. Морган, Дж. Мак-Леннан, Дж. Леббок, Э. Бахофен, Г. Мэйн и др. В России наиболее видными приверженцами этой парадигмы являлись М. М. Ковалевский, Л. Я. Штернберг, Н. И. Зибер.

Что же такое классический эволюционизм? Одной из существенных характеристик классического эволюционизма (несмотря на все оговорки) является представление об однолинейном развитии человеческих обществ от простых, «низших» социокультурных форм к сложным, «высшим» формам через ту или иную единообразную последовательность стадий. Отсюда вытекало представление о том, что простые, или иными словами, первобытные («примитивные») культуры отстали в своем развитии от «цивилизованных» сложных обществ, а следовательно, изучение этнографических данных может позволить нам с высокой степенью точности реконструировать всю картину социокультурной эволюции человечества. Для этого нужно лишь расставить все известные науке общества по ступеням единой для всех лестницы «общественного прогресса». Все это, впрочем, задало совсем неплохую программу общенаучного исследования для ранней социокультурной антропологии/этнографии, позволило вполне осмысленно систематизировать тот безбрежный океан эмпирических этнографических данных, который оказался в распоряжении социокультурных антропологов XIX в.

Все более богатые эмпирические данные, однако, с каждым годом оказывалось все сложнее втискивать в прокрустово ложе однолинейных эволюционистских схем. Классические эволюционисты были верными сынами своего века и исходили из общенаучной парадигмы своего времени (эта научная парадигма, впрочем, продолжает по-прежнему вполне устойчиво и последовательно преподаваться и в большинстве современных средних школ).

Однако XIX в. был веком не только интенсивнейшего развития научных теорий. Это был и век не менее интенсивного накопления эмпирических данных – исторических, этнографических и т. д. И к концу XIX в. становилось все более понятно, что накопленный эмпирический материал абсолютно не укладывается в прокрустово ложе подобных однолинейных эволюционистских схем. В действительности существует достаточно большая вариативность между ступенями развития производства, обмена и потребления, типами общественного строя, организации семьи, сословий или классов. Например, африканские охотники-собиратели хадза (или сан/бушмены Калахари), с одной стороны, и охотники-собиратели Центральной Австралии находятся на одной и той же «ступени развития производства, обмена и потребления», однако с точки зрения «организации семьи» они находятся едва ли ни на противоположных полюсах эволюционного спектра. Если семья хадза, или бушменов, характеризуется равноправным положением в ней женщины, то среди австралийских аборигенов положение женщин является исключительно неравноправным, при этом уровень этого неравноправия по многим параметрам превосходит таковой у подавляющего большинства всех известных науке обществ (см., например: Артемова 2010).

Другой пример – средневековые общества «Большой Ойкумены» (пояса развитых цивилизаций Евразии и Северной Африки). Они находились на принципиально одной ступени развития материальных производительных сил. Однако в этих обществах мы находим разные формы связи специализированного ремесла с земледелием – от почти полного господства товарно-рыночных форм в некоторых западноевропейских обществах (Северная Италия, Южная Германия, Нидерланды и др.) до преобладания государственно-дистрибутивных форм (например, в городском ремесле фатимидского Египта) или общинно-реципрокных (в сельском секторе Северной Индии). Это не значит, что развитие по двум данным

параметрам никак между собой не связано. Определенная закономерность здесь, безусловно, присутствует, но проявляет она себя в виде именно не очень жесткой корреляции. Нетрудно показать, что то же самое относится и ко всем остальным постулированным классиками эволюционизма функциональным зависимостям. Во всех случаях речь может идти лишь о не очень жестких корреляциях. Соответственно любые однолинейные модели в таких случаях оказываются в конечном счете абсолютно неприемлемыми (Коротаев 2003а).

Вследствие этого начиная с конца XIX в. эволюционизм потерял свое влияние и пользовался авторитетом только среди сторонников марксизма. Это было обусловлено большим пиететом К. Маркса к работе Моргана *Древнее общество* (1877). Позднее Ф. Энгельс, опираясь на идеи Моргана, написал книгу *Происхождение семьи, частной собственности и государства* (1884). Энгельс рассмотрел на примере ряда обществ, как осуществляется переход от родовой организации через «военную демократию» к классовому обществу и государству. Для марксистской истории и антропологии эта небольшая по объему работа стала на целое столетие настоящей библией. Ее основные положения были канонизированы, с ней были вынуждены сверять результаты своих эмпирических изысканий несколько поколений ученых. К сожалению, Энгельс повторил многие ошибочные идеи Моргана (о матриархате, однолинейной эволюции форм брака и систем родства, военной демократии), из этой работы «выпали» важные более ранние идеи особого пути эволюции восточных обществ и т. д.

Неоэволюционизм возник после Второй мировой войны и совпал с распадом системы колониализма, а также с усилением влияния в послевоенном мире СССР. Причинами его появления стал возросший интерес к марксизму и другим родственным ему теориям, кризис в наиболее популярных антропологических парадигмах в антропологии (историческая школа Ф. Боаса, функционализм). Расцвет неоэволюционизма пришелся на 1960–1970-е гг. Позднее под давлением постмодернистского скепсиса к построению универсалий он потерял свою популярность и был фактически изгнан из антропологии. К сожалению, постмодернистский дискурс нередко далек от научного. Биологи не сомневаются в том, что строение живых видов различается. Муха, например, меньше слона, и строение ее организма примитивнее. Тем не менее многие пост-

модернистские антропологи при сравнении культур считают возможным отрицать различия в сложности, тем самым попадая в методологическую ловушку. Помимо этого, было бы неправильным полагать, что неозволюционизм не имеет никакого влияния в наше время. Даже в книгах и учебниках, авторы которых отрицают эволюцию, присутствуют термины и подходы, разработанные неозволюционистами (бигмен, вождество, раннее государство, стадия цивилизации и т. д.).

Если эволюционизм XIX в. фактически ставил знак равенства между терминами «эволюция» и «развитие», то с течением времени соотношение между этими дефинициями изменилось. Прежде всего следует отметить, что современные антропологи отказались от использования понятия «прогресс». Они рассматривают культурную динамику либо в более нейтральном контексте усложнения культурных форм в рамках двуединого процесса дифференциации и интеграции, либо в плоскости качественной реорганизации общества в иное состояние. В отличие от классических эволюционистов неозволюционисты акцентируют внимание не только на классификации явлений, но и на причинах культурных изменений.

По мнению Р. Карнейро (опирающегося здесь, в свою очередь, на классическое определение Г. Спенсера), культурную эволюцию следует определить как «переход от относительно неопределенной, рыхлой однородности к относительно определенной, последовательной неоднородности посредством последовательной дифференциации и интеграции» (Carneiro 1973: 90). Однако в настоящее время многие исследователи склоняются к тому, что эволюция не имеет заданного направления. Далеко не все пути эволюции ведут к росту сложности, барьеры на этом пути весьма значительны, наконец, стагнация, упадок и даже гибель являются столь же обычными явлениями для эволюционного процесса, что и поступательное увеличение сложности и развитие структурной дифференциации. Главным критерием эволюции является качественная трансформация общества из одного структурного состояния в другое (Claessen 2000; Классен 2000; 2005).

Основоположником неозволюционизма считается американский антрополог Лесли Уайт (1902–1972), заложивший его основы в своих работах 1940–1950-х гг. К этому времени антропология осознала необходимость выхода за пределы локальных эмпирических исследований и приступить к синтетическим обобщениям на-

копленного материала. В отличие от классического эволюционизма XIX в. неозволюционизм представлял гораздо более мощную и в то же самое время более гибкую и динамичную теоретическую парадигму.

Уайт выдвинул энергетическую теорию культуры. Исходя из законов физики, Уайт определяет культуру как способ адаптации человека к окружающей среде, посредством которого человек может получать и абсорбировать из внешнего мира энергию. История культуры – это процесс постоянного увеличения количества энергии в пересчете на душу населения, совершенствования технологии для получения энергии и роста предметов и услуг для удовлетворения различных потребностей. Уайт выделил в культурной эволюции аграрную, топливную и термоядерную «энергетические революции». Он полагал, что в развитии человеческой культуры можно выделить два этапа: «примитивное» общество и цивилизацию (Уайт 2004а; 2004б).

Немалое влияние на развитие неозволюционизма оказал Джулиан Стюард (1900–1975). Он выявил функциональную зависимость между экологической средой, которая определяет разнообразие эволюционных форм, уровнем и характером технологического развития, а также социально-политической организацией. Однако каждая из культур проходит ряд последовательных стадий (их у Стюарда до восьми) – от охоты и собирательства до индустриального общества. Поскольку культуры адаптируются в различных экологических условиях по-разному, их эволюция, по мнению Стюарда, является «многолинейной» (Steward 1955).

Нельзя также не отметить влияние на неозволюционизм британского археолога Вира Гордона Чайлда (1892–1957). Чайлд выдвинул теории двух важных скачков в истории общества – «неолитической» и «городской» революций. В археологии *неолит* (новый каменный век) традиционно выделялся на основе двух главных критериев: 1) техники шлифования камня и 2) наличия керамики. Чайлд пришел к выводу, что появление неолитических культур на древнейшем Ближнем Востоке сопровождалось переходом людей к земледельческо-животноводческому хозяйству. Эти инновации имели для человечества кардинальный, революционный характер. «Городская» революция явилась отражением в археологических источниках процесса возникновения государства и классов.

В настоящее время большинство исследователей отмечают, что данные преобразования имели скорее эволюционный, чем революционный характер. Последствия перехода к производящему хозяйству не были столь однозначными (более тяжелый труд, ухудшение питания, появление заразных болезней и эпидемий и пр.). Во многих регионах мира неолитические культуры продолжали заниматься охотой, собирательством и рыболовством, тогда как на Ближнем Востоке были обнаружены очаги производящей экономики еще до изобретения гончарства (так называемый «докерамический неолит»). В ряде мест было обнаружено, что керамика вообще была изобретена в *палеолите* (древнекаменном веке). Наконец, понятие «города» и других материальных признаков появления государственности стало предметом длительных дебатов в археологии. Тем не менее работы Чайлда оказали большое влияние на последующие поколения исследователей эволюции в археологии.

Большой вклад в развитие неозволюционизма внесло следующее поколение антропологов и археологов – это были М. Салинз (род. 1930) и Э. Сервис (1915–1996), создавшие наиболее популярную схему уровней культурной эволюции. В работах данных исследователей, а также в трудах других неозволюционистов (Р. Адамс, Р. Карнейро, Р. Коэн, Р. Кэррол, М. Фрид, М. Харрис) большое внимание уделено типологии политического лидерства, престижной экономике, эволюции вождества, различным теориям происхождения государства. Американский неозволюционизм оказал влияние на развитие американской социологии (Т. Парсонс, Ш. Айзенштадт, Г. и Ж. Ленски), «новой» («процессуальной») археологии (Л. Бинфорд, К. Флэннери и др.).

В работах М. Салинза и Э. Сервиса было выделено несколько законов эволюции. К их числу относят *закон общей и специфической эволюции*. Как пишет Х. Классен (2000), выводя эту закономерность, они попытались объединить разные взгляды своих учителей – Л. Уайта и Дж. Стюарда, среди которых первый был сторонником однолинейного, а другой – многолинейного эволюционизма. *Общая* эволюция рассматривает этапы и стадии роста сложности, пройденные человечеством в целом. *Специфическая* эволюция объясняет историю отдельных индивидуальных культур и показывает, как и почему возникали разные варианты и исключения из универсальных правил. Другая важная выведенная закономерность – это *закон культурной доминанты*. Согласно ему слож-

ные, технологически лучше вооруженные и организованные культуры вытесняют более простые культуры. Более развитые группы стремятся контролировать большие территории и ресурсы и вытесняют слабых. Этот закон тесно перекликается с предыдущим законом и показывает, что распространение более сложных культур стимулирует инновации и позволяет простым культурам миновать определенные этапы роста.

Закон потенциала развития объясняет, почему в ряде случаев импульсы роста культур происходят не из старых центров, а из периферийных районов. «Чем более специализированы и приспособлены формы в данной эволюционной стадии, тем меньше ее потенциал для перехода к следующей стадии» (Service 1960: 97). В качестве примеров Сервис ссылался на то, что переход к неолиту, сопровождаемый появлением производящего хозяйства, произошел не в Европе, где возникли более специализированные виды охоты, а на Ближнем Востоке. Другой пример объясняет становление античной цивилизации на периферии уже сложившихся древних цивилизаций Ближнего Востока (*Ibid.*: 107–108). Отметим, что в отношении биологической эволюции этот закон был сформулирован еще в конце XIX в. американским биологом Э. Копом как «правило неспециализированного предка» (Гринин, Марков, Коротаев 2008: 66–67). Курьезным образом у американских неозволюционистов «закон эволюционного потенциала» восходит не к тождественному ему по своей сути «правилу неспециализированного предка», сформулированному их соотечественником-эволюционистом, а скорее, к теории «слабого звена» Л. Д. Троцкого – В. И. Ленина. Известно, что троцкизм оказал определенное влияние на неозволюционистов второй волны.

Важным вкладом в теорию неозволюционистов является также тезис о необходимости спуститься с высот генерализирующих обобщений и заняться моделированием эволюционных процессов на примере отдельных регионов и культур (теория «среднего уровня», Л. Бинфорд и др.).

Большой вклад в развитие неозволюционизма внес Дж. Мёрдок. Занимаясь составлением этнографических баз данных (подробнее об этом см. главу 21), он фактически сделал историю и антропологию более точными науками. Кроме того, он фактически доказал на конкретных примерах, что мы можем говорить о культурах разной степени сложности и, следовательно, об эволюцион-

ном развитии. Воспользовавшись своей базой данных и взяв 10 наиболее важных с его точки зрения признаков (тип хозяйства, плотность населения, деньги, технология и др.), он закодировал каждую из переменных по пятибалльной шкале – от 0 до 4. Суммированием данных 10 базовых индексов им был получен общий *индекс культурной сложности*. В его выборке (разработанной им совместно с Д. Уайтом) по 186 обществам наиболее сложные общества (цивилизации) получили наибольшее количество баллов по данному индексу, тогда как простые культуры охотников и собирателей оказались с наименьшими значениями данного показателя (Murdock, Provost 1973). Параллельно этой проблемой занимался Р. Карнейро (Carneiro 1973). Он ограничился меньшим числом примеров, но расширил список признаков. Выводы оказались примерно идентичными.

В неозволюционизме существует большое число различных направлений. Перечислим некоторые из них:

- политическая антропология – изучает процессы и этапы политогенеза (Р. Адамс, Р. Карнейро, М. Салинз, Э. Сервис, М. Фрид, Р. Козн, Т. Эрл и др.);
- экономическая антропология (М. Салинз, М. Годелье, Т. Эрл и др.);
- «культурный материализм», в реальности – жесткий технико-экологический детерминизм (М. Харрис);
- биологическое направление, согласно которому развитие культуры происходило по тем же законам, что и эволюционировала природа (Р. Нэррол, Р. Бойд, П. Дж. Ричерсон);
- неозволюционизм в социологии (Т. Парсонс, Н. Луман, Г. Ленски, Д. Рибейро);
- процессуальная археология (в США – Л. Бинфорд, Р. Макдамс, К. Флэннери, в Великобритании – Д. Кларк, К. Ренфрю).
- «эволюционная археология», согласно которой культура рассматривается как аналог генетической системы с присущими последней мутациями и дрейфом, а наследственные черты передаются через обучение и подражание (Р. Даннел, С. Шеннан).

Наиболее существенные результаты были достигнуты в изучении эволюции архаических и ранних государственных обществ. Одна из самых популярных схем социально-политической макроэволюции была окончательно сформулирована американским антропологом Элманом Сервисом. Первой формой объединения лю-

дей, по его мнению, были **локальные группы** (*bands*). Они имели эгалитарную (от фр. *égalité* – равенство) общественную структуру, аморфное руководство наиболее авторитетных лиц. С переходом к производящему хозяйству (земледелию и животноводству) возникают более жестко структурированные **общины** и **племена**, появляются институт межобщинного лидерства, возможно, ранние формы системы возрастных классов (дети, подростки, юноши, мужчины, старики). Следующая стадия – **вождество** (англ. *chiefdom*). Вождество обычно состоит из группы общинных поселений, иерархически подчиненных центральному, наиболее крупному из них, в котором проживает правитель (вождь). Здесь существует социальная стратификация, массы отстранены от принятия решений. Позиции правителей вождеств основываются на контроле ресурсов и перераспределении прибавочного продукта. С вызреванием **государства** центральная власть получает монополию на узаконенное применение силы. На этой стадии появляются письменность, цивилизация, города. Сервис понимает государство в духе функционализма: оно возникло вследствие потребности реорганизации управления сложным обществом (Service 1962/1971; 1975).

Эта схема впоследствии неоднократно уточнялась и дополнялась (см., например: Johnson, Earle 1987 [2000]). Из нее, в частности, после нескольких дискуссий было исключено племя как обязательный этап эволюции. В некоторых работах исследователи предпочитают разделять уже сформировавшееся «индустриальное» государство (государство-нацию) и государство доиндустриальной эпохи. Часто для сложных доиндустриальных политических систем вводят термины «архаическое» государство, «раннее» государство и т. д. Разработка теории **раннего государства** велась под руководством голландского политантрополога Хенри Й. М. Классена (род. 1930). В состав участников проекта входили ученые из различных стран Европы и Америки, и в том числе из бывшего Советского Союза (Claessen, Skalnik 1978; 1981).

Концепция другого известного американского исследователя Мортон Фрида (1923–1986) включает четыре уровня: эгалитарное, ранжированное и стратифицированное общества, государство. В **эгалитарных** обществах существуют отношения реципрокации и половозрастная дифференциация. В **ранжированных** обществах появляются редистрибуция и основанная на престиже дифференциация. В **стратифицированных** обществах деление на статусы

дополняется неравенством доступа к основным экономическим ресурсам. Наконец, на **государственной** стадии появляются классы, частная собственность и эксплуатация. Следовательно, государство – это продукт появления конфликтов в обществе. В этом Фрид, несомненно, более близок к марксизму, чем Сервис (Fried 1967).

Еще один ученик и последователь Л. Уайта – Ричард Адамс рассмотрел эволюцию форм власти как последовательное увеличение контроля над энергией. Опираясь на типологию Э. Сервиса и М. Салинза, он создал более глобальную конструкцию, которая включала шесть уровней социальной интеграции: 1) локальные группы; 2) вождества или провинции; 3) государства или королевства; 4) национальный уровень; 5) интернациональный; 6) всемирный. Каждый из этих уровней был разделен на два параллельных потока – **централизованные** и **согласованные** единицы. Централизованные единицы примерно соответствуют уровням интеграции Сервиса – Салинза, а в круг согласованных единиц Адамс включил различные объединения слабой структурированности (от сегментарных линиджей и племен до ООН и Международного суда). Уровни соответствуют друг другу. Например, на третьем уровне в разряд централизованных единиц были включены город-государство и королевство, а в группу согласованных единиц попали альянсы, религиозные объединения и формирования крестоносцев (Adams 1975).

После многочисленных дебатов о критериях вычленения и количестве разных эволюционных стадий более актуальным стал другой вопрос: какие причины приводили к изменениям в культуре и что стало основой для формирования сложных обществ? Еще до появления неозволюционизма выделялись разнообразные факторы общественных трансформаций: географическая среда, рост населения, технологический прогресс, рост производительности и разделения труда, внутренние конфликты, война. Все эти факторы были учтены в исследованиях неозволюционистов.

Возможно, наибольшее число дебатов вызвала так называемая **ирригационная** теория. Ее создатель – известный востоковед и критик советского авторитаризма Карл Виттфогель (1896–1988). Согласно его мнению, первоначальная государственность и развитие власти напрямую связаны с необходимостью строительства для общества крупномасштабных оросительных сооружений (Wittfogel 1957).

Эстер Босерап высказала предположение, что предпосылкой формирования государства является **демографический** рост. Когда осваивается вся территория обитания и население максимально возрастает, возникает необходимость в интенсификации сельского хозяйства. Это предполагает совершенствование организации управления, что сопровождается дифференциацией статусов, увеличением «социокультурной сложности» и генезисом государства (Boserup 1965). Современные сравнительные исследования показывают наличие достаточно прочной корреляции между плотностью населения и степенью политической централизации (Коротаев 1991). Однако не вполне ясно, каков именно пороговый предел демографической плотности, ведущий к перестройке механизмов управления обществом.

Еще один немаловажный аспект, который влиял на адаптивные способности общества в эволюционном процессе, – это способность общества хранить большие запасы продовольствия. Известно, что наличие у общества техники хранения запасов, позволявших справиться с периодическими голодовками, имело важные структурные последствия для формирования в обществе стратификации и постоянных органов управления. Кросс-культурные исследования показывают, что в тех случаях, когда общества с ранним производящим хозяйством умеют запасать продовольствие на длительный срок, они быстрее развивают внутреннюю стратификацию и обладают более развитой политической системой управления (Там же: 166–178, табл. XVIII–XXVIII).

Согласно **стрессовой** теории увеличение размеров социальной системы возможно до определенного порога (Г. Джонсон, Х. Райт). При чрезмерном увеличении нагрузки уменьшается эффективность существующей организации принятия решений. Чтобы справиться с возникшими перегрузками, необходимо ввести организационную иерархию, то есть государство. Поэтому для вождеств максимально была характерна двухуровневая иерархия (несколько простых вождеств, объединенные в сложное), тогда как для ранних государств – трехуровневая (деревни, районные и региональные центры, столица).

Еще одна популярная модель – **торговая**. Ее основная посылка основана на том, что торговля на большие расстояния является важным компонентом усиления власти правителей вождеств и ранних государств. Получая из-за границы своих владений редкие и диковинные товары и распределяя их внутри общества, иерарх контролировал редиистрибутивную сеть, повышал свой пре-

стиж и увеличивал влияние на подданных (М. Уэбб, К. Экхольм, Р. Шнейдер, П. Перегрин и др.).

В этой связи важно отметить большое значение разработки проблематики «экономической антропологии». У истоков этого направления стоял французский антрополог Марсель Мосс (1872–1950). Исследования антропологов данного направления, особенно М. Салинза и М. Годелье, показали, что в архаических обществах дарообмен был универсальным средством установления отношений между индивидами. Субъектами обмена, как правило, выступают не отдельные индивиды, а коллективы, или же такие индивиды, которые выражают интересы какой-либо группы (например, вожди), то есть как бы аккумулирующие в себе силу данной группы. Система обмена дарами связывает коллективы непрерывно циркулирующими связями от группы к группе, от племени к племени и в то же время охватывает все «этажи» и сферы общества. Последнее превращало дарообмен в важный элемент общественных отношений, посредством которого преодолевалась замкнутая автономия экономически обособленных общин и они связывались в сложную систему общественных связей с другими человеческими коллективами.

Символический обмен подарками позволял преобразовывать материальные ресурсы в отношения психологической зависимости и престиж, что, в свою очередь, давало возможность получать новые ресурсы и, раздаривая их, увеличивать престиж еще больше. Таким образом, повышение общественного статуса нередко осуществлялось через механизмы престижной экономики: с одной стороны, через организацию массовых праздников, на которых накопленные богатства демонстративно раздаривались или уничтожались, а с другой – через развитие обменных связей и формирование сети зависимых лиц и должников, которые не могли сделать ответный подарок.

Особенный резонанс из всех теорий факторов вызвала **«ограничительная»** (*circumscription*) теория (другое ее название – теория «стесненности») Роберта Карнейро. Согласно Карнейро, рост численности населения приводил к увеличению конкуренции за ресурсы, а затем к интенсивным военным столкновениям, в результате которых более сильные группы создавали стратификацию и государство (Carneiro 1970; Карнейро 2006). Важную роль в закреплении государственного механизма играла **идеология**. Она зако-

нивала сложившееся статусное неравенство. По всей видимости, формирование идеологии существующей системы господства являлось столь же важным моментом, что и экономическое или политическое принуждение.

Более поздние сравнительно-исторические исследования показали, что причины эволюционных изменений заключаются в сочетании разнообразных внутренних и внешних факторов: благоприятных природных условий, совершенствования технологий, роста народонаселения, сокращения ресурсов, войн, внешних заимствований, торговли на большие расстояния, идеологических сдвигов и т. д. В то же время их соотношение во многом объясняется региональной спецификой и случайной сочетаемостью природных, временных и иных обстоятельств.

С течением времени конкретно-исторические исследования по различным регионам мира показали гораздо большее количество культурных вариаций, нежели это предполагалось в ранних схемах Э. Сервиса и М. Фрида. Исследования как противников неозволюционизма, так и его сторонников показали значительную вариативность политической и социальной организации человеческих культур разной степени сложности (см., например: Крадин и др. 2000; Коротяев 2003). Одни из них действительно отличались эгалитарной социальной организацией, равенством всех его членов (африканские бушмены, хадза). Для других обществ (например, аборигенов Австралии) было характерно сосредоточение лидерства в руках взрослых мужчин, развитие внутреннего половозрастного неравенства, наличие у взрослых мужчин монополии на информацию. Впрочем, даже в рамках одной общей модели могли существовать различные модификации (Д. Вудборн; О. А. Артемова, П. Швейцер).

Особенное место занимают высокоспециализированные оседлые рыболовы и охотники на морских животных. В ряде случаев они имеют настолько стабильные источники своего существования (например, лососевых рыб) и методы длительного хранения пищи, что это дает возможность создать сложную неэгалитарную организацию с развитым статусным неравенством, иерархической социальной организацией, наследственной властью вождей (индейцы Северо-Западного побережья Америки – квакиютли, тлинкиты, оседлые рыболовы Флориды, население перуанского побережья, обские угры Западной Сибири накануне присоединения к России и пр.).

Важным достижением неозволюционизма следует считать теорию вождества. Наибольший вклад в ее разработку внесли неозволюционисты «второй волны» – Э. Сервис (Service 1962/1971; 1975), М. Салинз (1999) и Р. Карнейро (Carneiro 1981). Последующий прогресс связан с фундаментальными статьями и книгами Т. Эрла (Earle 1997; 2002). Вождество понимается как первая форма общественной иерархии, которая предшествует появлению государства. Э. Сервис определил вождество как промежуточную форму социополитической организации с централизованным управлением и наследственной клановой иерархией вождей теократического характера и знати, где существует социальное и имущественное неравенство, однако нет формального и тем более легального репрессивного и принудительного аппарата. Р. Карнейро считает, что самое простое вождество представляет собой группу общинных поселений, объединенных под постоянным контролем верховного вождя. Т. Эрл, один из авторитетнейших специалистов современности в области теории вождества, полагает, что вождество – это полития численностью как минимум в несколько тысяч человек, в которой имеется политическая централизация и региональная иерархия поселений, общественная стратификация, формирующаяся институализированная финансовая (или квазифинансовая) система.

Вождества известны у многих исторически и этнографически описанных народов мира: в Африке у ашанти, банту, баганда, волоф, зулу, свази, тсвана, в Азии – среди качинов Бирмы, у многих кочевников Евразии (пуштунов Афганистана, бедуинов Северной Африки, казахов, киргизов, монголов), в Океании – на Фиджи, Таити, Тонга, Гавайях, у индейцев Северо-Западного побережья, Гаити, Пуэрто-Рико, у чибя в Андах и т. д.

Если суммировать различные точки зрения на сущность вождества, то можно выделить следующие основные признаки этой формы социополитической организации:

- 1) существование иерархической организации власти, которая по археологическим данным отражается в разных размерах поселений;

- 2) наличие социальной стратификации и ограничение доступа к ключевым ресурсам, имеются тенденции к отделению эндогамной элиты от простых масс в замкнутое сословие; по археологическим данным это отражается в погребальной обрядности;

3) в вождестве существует редистрибуция – перераспределение прибавочного продукта и подарков по вертикали; власть вождя основана на престижной экономике;

4) вождество характеризуется общей идеологической системой и/или общими культами и ритуалами. Некоторые исследователи полагали, что верховная власть в вождестве имеет сакрализованный, теократический характер.

По степени сложности вождества принято делить на простые, сложные и суперсложные. Для **простых** вождеств характерен один уровень иерархии. Это группа общинных поселений, иерархически подчиненных резиденции вождя – как правило, более крупному поселению. **Сложные** (или составные) вождества состоят из нескольких простых вождеств. Их численность измерялась уже десятками тысяч человек. К числу типичных черт сложных вождеств можно также отнести этническую гетерогенность, исключение управленческой элиты и ряда других социальных групп из непосредственной производственной деятельности. В некоторых случаях сложные вождества могли объединяться в суперсложные вождества. Обычно суперсложные вождества в 4–5 уровней иерархии существовали у кочевников-скотоводов (см., например: Крадин 2001; Крадин, Бондаренко 2002). В земледельческих обществах при таком количестве иерархических ступеней обычно возникало государство.

Однако вождество отличалось от государства не только высотой пирамиды власти. По мнению одних исследователей, в государстве правительство может осуществлять санкции с помощью легитимизированного насилия (идея М. Вебера), тогда как правитель вождества обладал лишь «консенсуальной властью», то есть авторитетом. Однако, по мнению Э. Геллнера, многим государствам (не только ранним) не хватает монополии на использование силы. Поэтому более точно делать акцент не столько на легитимном насилии, сколько на появлении особого аппарата власти. Интеграция общества на государственном уровне требует специализированной бюрократии, единой религии, судопроизводства и полицейской машины. Государство предполагает наличие особых специализированных учреждений, предназначенных для управления. Гражданские чиновники ответственны за мобилизацию ресурсов, управление, контроль информационными потоками. Военные ответственны за завоевания и оборону от врагов, а иногда на них воз-

лагается поддержание внутренней стабильности. Религия предназначена для создания общей идентичности и освящения существующего строя.

В последние десятилетия был подвергнут критике тезис, что вождество является универсальным этапом социальной эволюции. Целый ряд исследователей примерно одновременно пришел к выводу, что параллельно с вождествами могут возникать другие не менее сложные формы политической организации. Ю. Е. Березкин убедительно продемонстрировал, что предгосударственные общества Передней Азии не вписываются в модель вождества (Березкин 1995; 2013). М. А. Агларов и А. В. Коротаев показали, что децентрализованные политические системы горских сообществ имеют принципиальное сходство с греческими полисами (см., например: Агларов 1988; Коротаев 1995; Гринин, Коротаев 2009: 351–428). Небольшие размеры предполагали прямое участие всех членов общества в политической жизни, пересеченный рельеф не способствовал укрупнению политий горцев в крупные иерархические структуры, а также препятствовал подчинению горцев равнинным государствам соседей. Схожие выводы были сделаны на примере изучения кельтов (К. Крэмли), викингов (К. Кристиансен), некоторых культур Мезоамерики (Г. Фэйнман, С. Ковалевски) и др.

Важной чертой для жителей небольших (в том числе горских обществ) обществ является высокая степень политической активности («протестности», по Ш. Айзенштадту), тогда как для подданных равнинных аграрных государств (в первую очередь крестьян) характерно более пассивное политическое поведение. Политическая активность граждан блокировала развитие иерархической организации и независимой от масс бюрократии. В этой связи был поставлен вопрос: а являлся ли классический греческий и римский полис периода республики государством (Штаерман 1989; 1990; Берент 2000)? Здесь не найти классических атрибутов государственности. Аппарат исполнительной власти был ничтожно мал. Не было прокуратуры и полиции. Не было ни налогов, ни аппарата для их сбора. Подати с провинций и рента за общественные земли собиралась откупщиками.

Постепенно в зарубежной и отечественной археологии получили распространение концепции билинейности и многолинейности – выделение *иерархической/гемоархической* и *гетерархической* линий социальной эволюции, или в иной терминологии – *сетевой*

и *корпоративной* стратегий (Крадин, Скрынникова 2006; Крадин 2007 и др.), а также других вариантов, например, для кочевников (Бондаренко, Коротаев 2002 и др.). Для **иерархической (сетевой)** стратегии характерны: концентрация богатства у элиты, наличие сетей зависимости и патронажа, отражение социальной дифференциации в погребальной обрядности, контроль элиты над торговлей предметами престижного потребления, развитие ремесла для потребностей верхов, наличие культов вождей, их предков, отражение статусов и иерархии в идеологической системе и архитектуре.

Для **гетерархической (корпоративной)** стратегии характерны: большее распределение богатства и власти, более умеренное накопление, сегментарная социальная организация, экономические усилия общества для решения коллективных целей (производство пищи, строительство фортификации, храмов и др.), универсализирующая космология, религиозные культы и обряды. Архитектура подчеркивает стандартизированный образ жизни. Необходимо отметить, что отождествление сетевой стратегии с гетерархической признается не всеми исследователями.

Как следует из вышеизложенного, идеи, сформулированные в рамках неозолуционизма, по-прежнему сохраняют большое значение для изучения ранних этапов исторического процесса. Они по-прежнему актуальны для исследований в области археологии и социокультурной антропологии (этнологии).

Рекомендованная литература

- Альтернативные пути к цивилизации / Отв. ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша. М., 2000.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2008. История и макроэволюция. *Историческая психология и социология истории* 2: 59–86.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2009. *Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы*. М.
- Крадин Н. Н. 2011. *Политическая антропология: учеб.* 3-е изд. М.
- Салинз М. 1999. *Экономика каменного века*. М.
- Carneiro R. 2003. *Evolutionism in Cultural Anthropology: A Critical History*. Boulder.
- Claessen H. J. M. 2000. *Structural Change: Evolution and Evolutionism in Cultural Anthropology*. Leiden.